

ГЕНЕЗИС ПАРТИТИВНОГО АРТИКЛЯ ВО ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ

Д. ЧЕБЯЛИС

Структурное зарождение партитивного артикля исследователи считают предельно ясным: он образовался в результате слияния предлога *de* с формами артикля *le, la, les*. Очевидно, в процессе образования партитивной структуры формы *le, la, les* сыграли второстепенную роль, так как ввели всю эту конструкцию в сферу артикля, т.е. послужили своеобразным ее „артиклизатором“. Следовательно, как можно полагать, в основу партитивного артикля лег предлог *de*, который внес то новое, что обусловило „партитивность“ всей конструкции.

Некоторые (правда, немногочисленные) исследователи решительно заявляют, что *de*, который они определяют как предлог, сам по себе обладает партитивным значением¹. Несколько иначе роль предлога *de* объясняется Г. Гийомом². По его мнению, предлог *de*, будучи в системе языка антитезой предлога *à*, является не знаком позиции, а знаком движения, он связан с идеей возвращения, как *à* — с идеей направления. Этот факт реально существует в языке, потому что самые абстрактные слова, как артикль и некоторые предлоги, обладают обозначениями, указывающими не на статику, а на динамику и, следовательно, порождают образ движения (ср. сноску указ. соч., стр. 176). Предлог *de* в тот момент, когда мысль облекается в языковую форму, прекращает экстенсивное движение артикля *le* и дает ему при этом обратное направление (*inverseur d'extension*). Следовательно, конструкция *de + le* выхватывает как бы часть из объема того понятия, которое она вводит в речь. Во всех рассуждениях Г. Гийома подчеркивается, что элемент *de* в партитивной конструкции является не предлогом, а артиклем и образование партитивного артикля в целом оказывается вторичным

¹ F. Brunot, Ch. Bruneau, *Précis de grammaire historique de la langue française*, Paris, 1956, p. 225; Kr. Nyrop, *Grammaire historique de la langue française*, t. II, Copenhague, 1903, p. 358; Н. А. Катагощина, М. С. Гурычева, К. А. Аллендорф, *История французского языка*, М., 1963, стр. 96.

² G. Guillaume, *Langage et science du langage*, Paris, 1964, pp. 175–180.

явлением по отношению к образованию артикля вообще, так как, по его мнению, языки в своей эволюции любят повторять то, что им однажды уже удалось (указ. соч., стр. 181).

Таким образом, несмотря на определенные различия в толковании, все исследователи сходятся в том, что функция партитивности заключается в элементе *de*. Конструкции с *de* известны уже в латинском языке, а в период вульгарной латыни они становятся довольно обычным явлением в функционировании языка: *bibere de aqua, de pane edere, de vino bibere*³. Наряду с этой конструкцией исследователи отмечают существование конструкций, которые эксплицитно указывают на идею части от чего-то: *aliquid de lumine* (Тертуллиан), *una pars de illis* (Вульгата)⁴.

Кроме того, исследователи старофранцузского языка обращают внимание на существование целого ряда изречений, которые указывают на какое-то количество: *mout, pou, maint, petit, tant, mult de... etc*⁵. Эти наречия достаточно определенно говорят о том, что речь идет не обо всем объеме определяемого ими понятия, а о какой-то его части, которая может быть обозначена как большая или как малая, но никогда не целое, а всегда лишь как часть целого. В конструкциях с количественными наречиями часто появляется предлог *de*, а это послужило поводом к утверждению, что *de* получил значение партитивности от наречий⁶. Однако более достоверно, пожалуй, мнение о том, что идея партитивности издавна бытовала в языке. В период классической латыни широко известен *genetivus partitivus*, который в поздней латыни дублировался конструкцией с предлогом *de*. Таким образом, можно полагать, что предлог *de* в старофранцузский период превратился в обобщенное средство для выражения партитивности, которое само по себе стало указывать на то, что речь идет о частичном объеме понятия, с которым в определенной функции сочетается предлог *de*.

Детерминация существительных, осуществляемая качественными наречиями, является точным указанием на то, какая часть понятия имеется в виду, следовательно, они определяют существительное в качестве дефинитов. В старофранцузском языке грамматическая установка существительных, осознаваемых в сфере дефинитов, строилась с детерминативами,

³ F. Brunot, Histoire de la langue française des origines à 1900, t. I, p. 253; Кр. Нурог, Указ. соч., т. V, стр. 182; А. Доза, История французского языка, М., 1956, стр. 326–327.

⁴ В. Ф. Шишмарев, Историческая морфология французского языка, М.—Л., 1952, стр. 52; Е. А. Реферовская, Развитие предложных конструкций в латинском языке позднего периода, М.—Л., стр. 75–92.

⁵ E. Gamillscheg, Historische französische Syntax, Tübingen, 1957, S. 75.

⁶ L. Foulet, Petite Syntaxe de l'Ancien Français, Paris, 1923, p. 68.

среди которых главную роль играла обобщенная его форма — артикль *le*. Обобщенная форма партитивного детерминатива стала естественно сочетаться с обобщенной формой именного детерминатива — артиклем *le*, в результате чего они образовали новую форму артикля *du, de la, des* в сфере дефинитов. Конкретность нового партитивного детерминатива, так же, как и конкретность детерминатива *le* на первоначальном этапе, была отмечена исследователями старофранцузского языка, которые указывали на тождественность конструкции *du* и *de ce* еще у Кр. де Труа: *verser du vin = verser de ce vin* (М. Фуле, указ., соч., стр. 68), на притяжательный характер образования *du* (Кр. Нюроп, указ. соч., т. V, стр. 183) или на возможность сочетания партитивного *de* с посессивами, демонстративами и индефинитами (Кр. Нюроп, там же, стр. 183). Однако в функционировании идея партитивности обрела окончательную языковую форму в сочетании с самой обобщенной формой среди детерминативов — с артиклем *le*.

Если связь грамматической установки существительного с его функцией в предложении оставалась обычно вне поля зрения исследователей старофранцузского языка, то связь партитивной установки с функцией существительного была определена совершенно точно: партитивный артикль появляется в функции глагольного объекта (Л. Фуле, указ. соч., стр. 73; Э. Гамильшер, указ. соч., стр. 81; Кр. Нюроп, указ. соч., т. V, стр. 181; К. Снейдерс де Фогель⁷). Что же касается даты его появления, то Фуле указывает на конец XII в., Гамильшер — на XIV и XV вв., однако все авторы приводят одну дату появления партитивного артикля в функции субъекта — XVI в.

Действительно, партитивный артикль появляется, прежде всего, в функции глагольного объекта в XI в. Например, *de la viande ki del herberge li vient, tant an retient dunt...* (Alexis 251); *le chef saint Lazare vus frai aporter e del sanc saint Estesne (Pèlerinage 165)*. Круг существительных, которые выражают идею партитивности, является весьма ограниченным. Прежде всего, это существительные, которые не поддаются исчислению, так как означают предметы, не имеющие формы в действительности. Г. Гийом называет их аморфными⁸. Аморфными, по всей вероятности, должны считаться также все абстрактные существительные.

Список существительных, конструируемых в старофранцузском языке партитивно, действительно свидетельствует о том, что большинство из них являются представителями аморфных веществ, однако уже в *Pèlerinage: durrai vos... de la sainte chemise que de...* (189) идея партитивности оказыва-

⁷ K. Sneyders de Vogel, *Grammaire historique de la langue française*, Groningue, La Haye, 1927, p. 19.

⁸ G. Guillaume, *Указ. соч.*, стр. 174.

ется подчиненным *la chemise* – „рубашка“. Эта вещь – вполне конкретный предмет, сразу обладавший определенной формой, прекрасно соответствует представлению о единице и поддается исчислению. Речь идет о лоскуте рубашки деви Марин, который преподносится Патриархом Иерусалимским Карлу Великому. В промежутке с XI по XV вв. примеров подобного типа в нашем материале не наблюдалось. Следующий пример, не относящийся к аморфным веществам, появляется уже в XVI в. у Монтеня: *et si je n'en puis arracher parole, j'en arracheray au moins du gémissement* (30), где *gémissement*, будучи отглагольным существительным, может быть отнесен даже к абстрактным существительным. Итак, идея партитивного понимания вещей получила лингвистическое выражение, прежде всего, имея в виду аморфные вещества, т.е. в соответствии с их положением в действительности. Затем эта идея оказалась столь отчетливой в языковом сознании носителей старофранцузского языка, что стала получать языковое выражение в тех случаях, когда нужно было просто обозначить часть от чего-нибудь, невзирая на аморфность или предметность соответствующего понятия в действительности.

Функция глагольного объекта наилучшим образом представляет тот момент, когда мысль человека выявляет в качестве сегмента в речевом потоке лишь часть какого-нибудь понятия. Например, *que ja ne mangera d'avainne vostre chevaux* (Perceval 822), *se tu pourras veoir de cerf* (Modus 12, 5), *et si luy envoya de vexelle d'or pour ung buffet* (Jehan 87, 9). Конструирование прямого объекта при помощи предлога *de* несвойственно французскому языку ни на одном этапе его развития. Присутствие предлога *de* объясняется лишь тем, что он осмыслен в данном случае как детерминатив, а именно как партитивный детерминатив. Таким образом, сочетание *de* с именем существительным без детерминативов оказывается вполне закономерным явлением в старофранцузском языке, которое выявляет часть от чего-то, понимаемого в самом общем виде. Однако уже XI в. свидетельствует о том, что семантическое поле партитивности не ограничивается существительными, представляющими аморфные существа, а начиная с XIII в. такие существительные встречаются вовсе редко. Это показывает, что структурные и понятийные корни партитивности очень глубоки.

Таким образом, в процессе становления именной установки с партитивным артиклем в старофранцузском языке можно наметить две тенденции: а) конкретные существительные, особенно те, которые представляют аморфные вещества, образуют партитивную установку при помощи так называемого партитивного артикля *du, de la*; б) абстрактные существительные или конкретные, но осознаваемые в самом общем виде, образуют партитивную

установку при помощи обобщенного детерминатива партитивности *de* и обобщенной установки без детерминативов.

Естественным проявлением партитивности в языке является указание на определенное число из какой-нибудь группы предметов. Такой тип конструкции, который тем или иным образом конкретизирует эту часть понятия или понятий, о которой идет речь, и не довольствуется общим указанием на грамматическую сторону этого явления, может быть назван описательной партитивностью. Например, *un des clous auerez q'il out en sun ped* (Pèlerinage 175), *de ses paiens enveiat quinze* (Roland 202). В качестве основной особенности данной конструкции следует отметить, что существительное всегда конструируется с формой артикля *les*. Очевидно, числовое определение той части понятия, которая оформляется в речи, обладает такой силой конкретизации, что конструирование именной установки без детерминативов лишь с общим указателем на партитивность *de* в данном случае немислимо.

Образование описательной партитивности от существительного в единственном числе исключает ее числовое определение, которое заменяется другими лексическими указателями, определяющими эту партитивность менее точно, чем число. Например, *de sun avoir me volt duner grant masse* (Roland 182), *ore nus a moustrei Diex une partie de son grant pooir* (Joinville 40). Однако если единственное число исключает числовое указание на партитивность, то лексическое ее определение допускает связь как с единственным, так и множественным числом. Например, *mais sun pedre i ancuntret, ansambl'ot lui grant masse de ses humes* (Alexis 215), *de nos aveirs feruns grantz departies* (Alexis 523). Вместо числительного или другого лексического элемента, более или менее конкретно указывающего на размеры той части, которая выделяется среди соответствующих предметов, может выступать любой индефинит, например, *icil respondent que neuls d'els ne l'set* (Alexis 325), *chacun des duze per* (Pèlerinage 436). В каждом таком случае любой индефинит подразумевает единичность, следовательно, в конечной абстракции любое лексическое уточнение партитивности сводится либо к числовому, либо к адвербиальному или адвербиально-идиоматическому ее определению (*peu, grant masse, grant plante*).

Следующей ступенью в образовании грамматических структур явился этап, когда партитивность проявлялась в чистом виде без сопровождения описательного элемента, т.е. без лексического уточнения самой партитивности. На данном этапе партитивность приобретает весьма обобщенный характер, указывающий на то, что речь идет вообще о чем-то, выделяемом из определенной группы предметов или существ. В языковом плане такая си-

туация получает выражение в синтагме *de + le (les)* или *de + D + N* (*D* – местоименный детерминатив).

Возможность функционирования партитивной конструкции без описательного элемента наиболее четко проявляется в именной части сказуемого, которая относится непосредственно к субъекту: *et fu des premiers a terre* (Joinville 8). Так как именная часть сказуемого раскрывает его содержание, сказуемое может считаться элементом, условно образующим описательную партитивную конструкцию. Прямой объект глагола не содержит такого элемента, для которого он служил бы лишь своего рода вместилищем его свойств, поэтому партитивность без описательного элемента в функции объекта может считаться полностью самостоятельной грамматической конструкцией. В старофранцузском языке она весьма часто сочеталась с местоименными детерминативами: *dunc prent li pedre de ses meillurs serjanz, par multes terres fait querre sum enfant* (Alexis 111–112), *qui a de vostre vin beu* (Perceval 793). Особенно большая степень обобщения достигается в *s'il assent d'aucune beste* (Modus 12, 15) – „если они нападают на каких-нибудь зверей вообще“. Наличие притяжательных местоимений сохраняет определенную конкретизацию всей партитивной конструкции, так как они указывают на соотнесенность всей именной синтагмы с каким-нибудь действующим лицом, участвующим в ситуации. Наличие же индефинита *aucune*, который сам по себе является менее конкретным, чем посессив в сочетании с обобщенным *de* и существительным в единственном числе, свидетельствует о высокой степени грамматизации всей партитивной конструкции.

Окончательная точка в развитии этой конструкции – замена местоименного детерминатива обобщенной формой артикля *le, la, les*, что осуществляется главным образом в функции объекта. Таким образом, идея партитивного понимания вещей и явлений, которая получила первичную языковую реализацию в конструкции описательной партитивности, представляющей собой лексико-грамматическое образование, вылилась в окончательную форму грамматической обобщенности, образовавшую именную установку с партитивным артиклем. Развитие различных форм описательной партитивного, как и становление окончательной партитивной установки существительного, происходило без какой-либо последовательности, они все существовали в периоды старого и среднефранцузского языка. Установка *de + N* постепенно исчезала, описательная партитивность и местоименный детерминатив помалу уступали позиции грамматическому образованию – партивному артиклю.

Этот процесс на другие синтаксические позиции, помимо объекта, распространяется значительно позднее. Так, *en l'oriet punt asez i ad reliques, la*

dent sein Perre e del sanc seint Basilie e des chevels mun seignor seint Denise (Roland 2345 – 7), *de la vexelle d'or et d'argent de quoy il est servy seullement, est assez bastante pour achepter ung royaulme* (Jehan 46, 25). Эти три примера существительного с партитивной установкой в функции субъекта – единственные примеры, которыми мы располагаем. Необходимо сразу же подчеркнуть, что первые два относятся к XI в., а третий – к XV в., но все они являются субъектами в безличных конструкциях. В функции субъекта такие примеры до XV в. нами больше не наблюдались, так как этот последний сдвиг произошел лишь в XVI в. Таким образом, мы считаем вполне обоснованным говорить о зарождении партитивного артикля в системе имени старофранцузского языка уже во второй половине XI в., но о полном его укреплении в функционировании языка можно утверждать лишь с начала XVI в.

Развитие имени в старофранцузском языке отличается особой системностью, поэтому все формы артикля в период функционирования французского языка образовали множественное число. Партитивный артикль, будучи самым поздним образованием среди детерминативов, пользовался уже существующими формами артикля *le, la, les*, так что образование *des* (*de + les*) является естественным следствием развития детерминативов, которые наделяются всеми свойственными именному элементу морфологическими признаками. В ходе эволюции языка *des* сблизился в своем функционировании с множественным числом *uns, unes*. Все эти формы служили для выражения ограниченного множественного числа. Формы *uns, unes*, поскольку выражение множества противоречило их семантической и грамматической природе, указывали на постепенное, но неуклонное исчезновение, а форма *des*, в которой элемент *les* служил для выражения обыкновенного множества, терял постепенно свой специфический партитивный характер и стал употребляться вместо *uns, unes*, переходя вместе с этим окончательно в разряд артикля *un, une*⁹.

У форм *du, de la* существует особая функция, которая благодаря необычному характеру служит для выделения данного сегмента и переводит эти последние во второстепенные обстоятельства. Таким образом, форма *des* стала непосредственным коррелятом множественного числа форм *un, une*, а формы *du, de la* – вариантом единственного числа форм *un, une*, отличающемся от последних особым оттенком партитивности.

Очевидно, образование *de + le*, осуществленное на основании уже реально функционирующей формы, исключало возможность образования *de + li*,

⁹ Ср. по этому поводу нашу статью „Замена форм множественного числа артикля *uns, unes* формой *des* в старофранцузском языке“, – Уч. записки высших учебных заведений Литовской ССР, Вильнюс, 1975, Языковедение, XXVII (3).

что, в свою очередь, затормозило появление партитивного артикля в функции субъекта. Единственные обнаруженные нами примеры находятся в Roland и в Pèlerinage, т.е. в нормандских памятниках, а в Нормандии распад системы склонения начался уже в XII в., причем партитивный артикль функционирует в безличной конструкции, для которой характерны особые грамматические условия. Распад склонения полностью завершился к концу XIV в., тогда и открылась возможность для появления партитивного артикля в функции субъекта. Партитивный артикль *du, de la*, появившись в XI в. в синтагме глагольного объекта, переходит затем в функцию именной части сказуемого и субъекта в безличных конструкциях, т.е. в те предложения, структура которых исключает противопоставление *cas sujet/cas régime* (XIV–XV вв.). Следовательно, с самого начала функционирование партитивного артикля строго ограничивается существованием двухпадежного склонения. К XV в. исчезает чередование форм *des, du, de la* в одном ряду тождественных синтаксических функций и форма *des* окончательно заменяет формы *uns, unes*. К концу XV и в XVI вв. совершается окончательный переход форм единственного числа *du, de la* в разряд артикля *un* и устанавливается их определенное функционирование при аморфных существительных.

Итак, идея партитивности, издавна бытовавшая в языке, прежде чем получить для своего выражения форму специфического артикля, составляла лексико-грамматическое образование, которое указывало на более или менее определенную часть от того предмета или понятия, о котором шла речь. Постепенно выражение партитивности вылилось в специфическую форму детерминатива, отделяясь таким образом от выражения той же идеи тем или иным способом оговоренного количества. В то же время самые различные лексико-грамматические образования для выражения количества продолжают функционировать и в современном языке. Разница между *le* и *un*, с одной стороны, и *du, de la*, с другой, состоит в том, что с точки зрения их формирования партитивный артикль имел своим базисом выражение определенного количества, а артикли *le* и *un* являются следствием особой организации информативного потока и грамматических закономерностей развития языка.

Vilniaus V. Kapsuko
universitetas
Prancūzų kalbos katedra

Iteikta
1974 m. rugsėjo mėn.

Сокращения

Alexis — M. Rösler. Sankt Alexius. Altfranzösische Legendendichtung des 11. Jahrhunderts. 2 e verbesserte Auflage. Max Niemeyer Verlag, Halle (Saale), 1941 (Sammlung romanischer Übungstexte Nr. 15).

- Jehan – Le roman de Jehan de Paris, publié d'après les manuscrits par Edith Wiskerscheimer, Paris, 1923 (SATF).
- Joinville – Histoire de Saint Louis par N. De Wailly, Paris, 12e édition.
- Modus – Les Livres du Roy Modus et de la Roynie Ratio, publiés avec introduction, notes et glossaire par Gunnar Tilander, t. I--II, Paris, 1932 (SATF).
- Montaigne – Essais, texte établi et annoté par Albert Thibaudet. Paris, 1937 (Bibliothèque de la Pléiade).
- Pèlerinage – Karls des Grossen Reise nach Jerusalem und Constantinopel, ein altfranzösisches Heldengedicht hrsg. von E. Koschwitz und G. Thureau. 6e Auflage, Leipzig, 1913 (Altfr. Bibliothek Bd. 2).
- Perceval – Der Percevalroman von Christian von Troyes. Hrsg. von A. Hilka, Halle, 1932.
- Roland – La Chanson de Roland publiée d'après le manuscrit d'Oxford et traduite par J. Bédier, Paris, 124e édition.

LA GENÈSE DE L'ARTICLE PARTITIF EN ANCIEN FRANÇAIS

Résumé

L'article partitif est issu de la formation lexico-grammaticale indiquant une certaine quantité d'un tout. À mesure que les déterminatifs adnominaux généralisés se développaient, l'ancienne langue a fait une abstraction des expressions quantitatives pour en former l'article. Celui-ci apparaît au XIe siècle dans l'objet du verbe puis, avec la disparition définitive de la déclinaison à deux cas au XIVe siècle, il se répand dans l'attribut et le sujet aux XVe et XVIe siècles. La forme du pluriel *des* remplace le pluriel *uns, unes* et entraîne de ce fait *du* et *de la* dans la classe de l'article *un, une*.